

ЮЖНАЯ ССЫЛКА. РОМАНТИЗМ В ТВОРЧЕСТВЕ ПУШКИНА.

Трудно сказать, что вызвало больший гнев царя: широкое распространение в списках вольнолюбивых стихов Пушкина или строки в «Вольности», прочитанные как намек на причастность Александра 1 к убийству отца – императора Павла 1. Стараниями высокопоставленных друзей грозящая Пушкину ссылка в Сибирь была заменена переводом по службе из Петербурга в Екатеринослав. Весной 1820 года Пушкин выезжает на юг.

Екатеринослав, Кавказ, Крым, Кишинев, Киев, Одесса – парадоксальным образом утрата свободы, предполагающая ограничение пространства, влечет за собой его расширение. В своих тюремщиках Пушкин обретает то друга и покровителя (генерал Инзов), то мелочного притеснителя (граф Воронцов). Удаленный из столицы с целью пресечения политического вольномыслия на корню, Пушкин оказывается в самом центре декабристского движения. На юге он сблизжается с «первым декабристом» В.Ф.Раевским, встречается с главою Южного общества П.И.Пестелем, общается с М.Ф.Орловым, С.Г.Волконским, В.Л.Давыдовым, другими деятелями тайного общества.

Неоднозначность жизненных ситуаций, богатство и пестрота впечатлений, чувство обесценивания жизни, смена городов, обычаев, лиц и как всегда чтение побуждают Пушкина искать литературные аналоги своей судьбе. Увлечение английским романтизмом приходит к Пушкину не как книжная мода: в «восточных поэмах» Байрона Пушкин вычитывает исповедь собственного сердца, в судьбе героев прочитывает свою судьбу.

Романтическое мироощущение предполагает избирательное отношение к миру, в котором романтиков интересует только необычное, исключительное: исключительные личности и исключительные обстоятельства, сильные страсти, глобальные конфликты. Свобода – абсолютная, ничем и никем не ограниченная, безудержная – является главной ценностью, без которой жизнь теряет смысл, а человек перестает уважать сам себя. Потребность и способность к самоограничению чаще всего остается за пределами романтического сознания. Вот почему любимым образом романтиков становится море – «свободная стихия» с ее «своенравными порывами» («К морю», 1824). Именно с морем сравнивает Пушкин-романтик любимых героев своей юности – Наполеона и Байрона,

императора и поэта, равных морю по силе духа («Он духом создан был твоим»), неодолимости порывов («Как ты, могущ, глубок и мрачен. Как ты, ничем неукротим»).

Сила личности, как полагают романтики, проявляется в ее способности к противостоянию. Темой романтических произведений становятся открытый бунт против сковывающих условий или бегство от них в мир своих грез и фантазий. В стихотворении «Кто, волны, вас остановил» (1823) создается образ остановленного «мятежного» потока: «Кто оковал ваш бег могучий?». Оковы превращают мятежный и могучий поток вод в «безмолвный и дремучий пруд». Пушкин романтически взывает к грозе, «символу свободы», разрушающей «гибельный оплот». Но контексте стихотворения неясно, в чем видит поэт силы торможения – во враждебных внешних обстоятельствах или собственной «дремоте лени». Безусловно то, что даже в романтической юности Пушкин не забывает о личной ответственности человека за собственную судьбу, как бы ни сложились для нее внешние обстоятельства. А несовершенный, но прекрасный земной мир даже в самые трагические периоды жизни сохраняет для поэта свою ценность. Пушкину изначально чуждо однозначное романтическое противопоставление «низкой» действительности и незаурядной личности, обреченной на страдание и одиночество. В своих «южных поэмах» Пушкин воссоздает главные ценности романтизма, но и показывает противоречивость позиции романтиков. Личность, свобода, любовь – три кита, на которых держится романтический мир восбод и южные поэмы Пушкина в частности.

«Кавказский пленник» (1820-1821), как явствует уже из названия, поэма не о свободе, а о плене. Свободе – недостижимому идеалу, который невозможно воплотить в жизни, – Пушкин находит точное определение: «призрак». Это вполне соответствует романтическим представлениям о несовместимости мечты и реальности. Но у Пушкина «призрак» – «веселый». А этот юношеский оптимизм уже диссонирует с излюбленной позой романтического героя – страдающего, разочарованного, утратившего веру и надежду. «Я пережил свои желанья» (1821) – называется стихотворение Пушкина, в котором воспроизведена эта романтическая поза.

Герой поэмы бежит на Кавказ в поисках свободы и попадает в плен. Человек считает себя несвободным на родине, ищет свободы в чужих краях и оказывается в цепях не абстрактных, а вполне материальных. С помощью влюбленной в него Черкешенки Пленник распиливает свои цепи и возвращается туда, откуда бежал. Теперь «русские штыки» представляются уже гарантией спасения.

Таким образом, в поэме два плена, два бегства. Убегая из одного плена, человек попадает в другой, в сравнении с которым первый кажется уже менее страшным. С тонкой иронией в финальных строках поэмы рисуется редующий мрак и восход зари, на фоне которых «освобожденный пленник шел». Ср. исходная ситуация: «И в край далекий полетел / С веселым призраком свободы». Едва уловимым штрихом Пушкин опредмечивает идеальные порывы своего героя, едва ли не в буквальном смысле спускает его с небес на землю. Теперь герой не «летит», а «идет», и вместо «призрака свободы» перед ним «тропа далекая». Герою предстоит пройти долгий путь. Автор же, посвящая поэму другу, любимое в романтической лексиконе слово «свобода» объединяет с редким, почти не встречающимся, - «терпеньем»: «Но сердце укрепив свободой и терпеньем, Я ждал беспечно лучших дней; И счастье моих друзей Мне было сладким утешеньем». Автор, чей образ возникает в Посвящении и Эпизоде, оказывается в нелегких обстоятельствах. Но в отличие от Пленника автор наделен терпеньем и верой в лучшее, он не одинок и способен находить утешенье собственным страданиям в счастье друзей. Роковая обреченность романтической личности на безысходные страдания и одиночество в романтическом мире Пушкина ставится под сомнение.

Главная тема поэмы «Бахчи сарайский фонтан» (1821— 1823)—тема любви—дана в преломлении через волнующие Пушкина проблемы свободы и несвободы. В центре поэмы две узницы, Мария и Зарема. Любовь представляется Пушкину романтику тем чувством, которое противостоит всякому принуждению, насилию, несвободе. Любовь свободна и неуправляема. Хан не в состоянии ни добиться внимания Марии, ни заставить замолчать чувства Заремы. Обе героини несут в себе идею свободного чувства, независимого от любых внешних принуждений.

Хан и Зарема являют собой идею любви восточной, плотской, Мария — любви христианской, духовной. В столкновении двух разных типов любви (шире — двух цивилизаций, двух систем миропонимания) и разворачивается конфликт поэмы. Очевидно, идеал Пушкина — в гармоническом сочетании высокой духовности и естественного плотского чувства. Идеал Пушкина выражен не в одном образе героя, а распределен между героями. Это свидетельствует о начале пересмотра романтической традиции культа одного исключительного героя; о преодолении субъективизма романтиков.

Чтобы оценить действительную значимость для нас наших заветных желаний, стоит представить ситуацию их исполнения. В последней из южных поэм «Цыганы» (1824), законченной уже в Михайловском, представлена трагедия исполнения желаний. Пушкин ставит своего героя в идеальные условия, свободные от всякого внешнего принуждения или

давления:

С ним черноокая Земфира,
Теперь он вольный житель мира,
И солнце весело над ним
Полуденной красою блещет...

Любимая женщина, свобода, прекрасная природа, естественные, не скованные нормами и условностями человеческие отношения – юноша получил все, что, по романтическим представлениям, нужно для счастья. «Он будет мой: Кто ж от меня его отгонит», - отмечает Земфира отсутствие внешних препятствий для любви и гармонии. И здесь оказывается, что внешняя свобода нужна человеку прежде всего для того, чтобы была возможность без помех, самообмана и иллюзий осознать меру собственной внутренней несвободы. Пушкин ставит своего героя в ситуацию, невыносимую в рамках романтического миропонимания: для Алеко бременем, препятствием, проблемой становится так страстно желанная прежде свобода. Алеко не нуждается и в собственной свободе, впадши в течение цыганской жизни, живя «как они». Для Алеко представляется опасной свобода Земфиры. Боясь потерять ту, которая «для него дороже мира», он связывает, сковывает своим чувством Земфиру, взваливая на нее и себя непосильное бремя взаимозаменять собою мир. Такая любовь представляется Земфире ограничением: «Его любовь постыла мне, Мне скучно, сердце воли просит». Из мученика свободы романтический герой превращается в тюремщика. В сознании Земфиры он ассоциируется с запретом, препятствием, несвободой.

В раннем творчестве основой, источником конфликта Пушкину представляется несвобода, несущая в конечном итоге гибель и разрушение: «Свободой Рим возрос, а рабством погублен» («Лицинию», 1815). Зрелость, человеческая и художественная, творческая, приносит с собой понимание, что свобода порождает свои конфликты. В «Цыганах» Пушкин уже стремится определить те пределы личностной воли, которые не желает признавать над собой романтическое сознание.

В первой сцене поэмы на фоне спящего табора рисуется фигура одинокого старика, терпеливо ждущего ушедшую гулять дочь: «Земфиры нет как нет, и стынет Убогий ужин старика». Привычка к «резвой воле» одного члена семьи создается и поддерживается при согласии другого подчинить ей свои привычки и желания. Если же один хочет петь, а другой не согласен его слушать, конфликт двух волей неизбежен. В диалоге Алеко и Земфиры определяющими являются слова «мне» и «я», подчеркнутые и усиленные сходной синтаксической конструкцией:

Алеко.

Молчи. **Мне** пенье надоело.

Я диких песен не люблю.

Земфира

Не любишь? **Мне** какое дело.

Я песню для себя пою.

Каждый из героев поет свою песню только «для себя». Каждому из них нет дела до того, нравится ли его песня другому. В отношениях двоих безграничная свобода одного возможна только за счет ограничения свободы другого. Абсолютная свобода возможна только в условиях полной изоляции от общества, в одиночестве. Так Пушкин приходит к пониманию неизбежности ограничений для человека как общественного существа. Так Пушкин оказывается перед проблемой поиска путей гармонического слияния личности с общественной средой. В рамках эстетической и философской системы романтизма такая проблема не могла быть решена. Поэма «Цыганы» заканчивается горьким афоризмом: «И всюду страсти роковые, И от судеб защиты нет» Это последний трагический аккорд кризиса, который переживает Пушкин в 1822-1823 годы. Личный опыт общения, цепь разочарований в дружбе, любви, наблюдения за событиями европейского освободительного движения (поражение движения революции в Испании, разгром карбонариев в Италии, трагедия этеристов¹) – все убеждает Пушкина в неспособности человека и народов дорасти до идеала свободы и бороться за нее. Трагические размышления поэта нашли воплощение в стихотворении «Свободы сеятель пустынный...» (1823):

Паситесь, мирные народы!

Вас не разбудит чести клич.

Большинство способно только на бессмысленное животное существование и даже не претендует на лучшую долю – «паситесь». Равнодушное смирение с рабской участью воспринимается поэтом как безнадежная бездуховность.